

А. КОЛЛОНТАЙ

Письма к трудящейся молодежи

Письмо 3-е *

О «ДРАКОНЕ» И «БЕЛОЙ ПТИЦЕ»

Вы спрашиваете меня, мой юный товарищ-соратница, почему вам и многим учащимся девушкам и трудящимся женщинам Советской России близка и интересна Анна Ахматова, «хотя она совсем не коммунистка»? Вас тревожит вопрос: совместимо ли увлечение писателями, в которых живет «чуждый нам дух», с настоящим пролетарским мировоззрением?

Давайте разберем этот вопрос основательно. Как материал для иллюстрации своих мыслей, мы используем вашу же любимую писательницу.

Передо мной лежат три белых томика Анны Ахматовой: «Четки», «Белая стая» и «Anno Domini 21».

Перелистав эти томики, прежде всего отвечаю вам: Ахматова вовсе не такая нам «чужая», как это кажется с первого взгляда. В ее трех белых томиках трепещет и бьется живая, близкая, знакомая нам душа женщины современной переходной эпохи, эпохи ломки человеческой психологии, эпохи мертвой схватки двух культур, двух идеологий — буржуазной и пролетарской. Анна Ахматова — на стороне не отживающей, а создающейся идеологии.

Ахматова не просто «поэтесса», каких много, перепевающая то, что уже не раз говорили великие писатели уходящей культуры и говорили сильнее и ярче слабых подражательниц-поэтесс. Ахматова — сама творец. И, как поэт-творец, она при-

* Считаю целый ряд мест в статье т. Коллонтай спорными, редакция печатает в дискуссионном порядке.

вносит в искусство, а, значит, и в знание человеческой души то, что не сумели сказать до нее крупнейшие буржуазные поэты.

Ахматова поет не о «женщине» вообще, а о женщине нового склада, той, что своим трудом пробивает себе жизненный путь.

Как художник-творец, Ахматова не пропускает переживаний женской души сквозь призму мужской психологии, а говорит о женщине то, что в тайниках своих переживает почти каждая самостоятельно трудящаяся женщина, стоящая на переломе двух эпох. И в этой-то правде о чувствах и эмоциях современных трудящихся женщин, рожденных зарей новой культуры, заключается то зерно нового подхода к жизни, что роднит творчество Ахматовой с мышлением восходящего класса и делает три ее белых томика близкими вам и вашим товаркам.

Чтобы выковать новую культуру, свою идеологию, трудящееся человечество не может и не должно подходить к жизненным проблемам и явлениям с односторонним мужским подходом, как это делало буржуазное общество. Нельзя оценивать и разбирать явления, опираясь лишь на мужское восприятие. Особенно, когда дело идет о проблемах пола, о старой, как само общество, «загадке любви», которой главным образом посвящены стихотворения Ахматовой и что вас отчасти смущает*. В буржуазном обществе женщина не была самостоятельной социальной, трудовой единицей, поэтому ее оценка явлений, ее психология не бралась в расчет. Она ничего не привносила нового, своего в культуру и в миропонимание.

Идеология восходящего трудового класса, охватывающая запросы, стремления, чувствования и восприятия двух полов, требует другого; при творчестве новой культуры не может быть исключен такой крупный фактор, каким в социальной жизни трудового общества является женщина. А между тем не подлежит сомнению, что особенности душевного склада женщины, воспитанные в ней веками, заставляют женщину по-иному подходить к целому ряду явлений — к материнству, к проблеме любви, к творчеству, к выбору труда. Идеология восходящего класса должна вмещать в себе духовно-душевные ценности, выработанные обоими полами.

* То, что в белых томиках Ахматовой отводится главное место любви, конечно, указывает, что Ахматова еще сама на гребне перелома и что если в проблемах любви она уже чувствует новую правду, то в остальных вопросах она еще не ухватила содержание новой культуры.

Но, чтобы дать место женщине в деле создания основ новой культуры, надо прежде всего знать, какова же та внутренняя работа, какая творится в душе женской трудовой массы в переходный момент, момент ломки понятий и взглядов. В этом смысле три белых томаки Анны Ахматовой представляют несомненный интерес, и я рада, что ваш запрос, моя юная товарка, заставил меня глубже продумать эту писательницу. Пусть Анна Ахматова умеет осветить нам лишь один изгиб женской души, пусть вскрывает вам лишь те переживания женщины, что со-причастны к «загадке любви». Но сейчас на переломе и это важно. Не надо забывать: именно во взаимоотношениях полов сейчас совершается величайшая в истории человечества революция и идеология пролетариата заключает в себе ответ и на эту неразрешимую при буржуазной культуре «загадку».

Конечно, Анна Ахматова не коммунистка, и потому ей чужд и незнаком тот законченный тип новой женщины-борца, строителя, деятеля, который в своих недрах, в суровой борьбе, уже выковывает рабочий класс. Тех женщин, которые для себя разрешили в том или ином виде проблему любви и которые перед грозной для женщины переходного времени властью Эроса сумеют всегда отстоять свое человеческое «я», не утратив скреп с коллективом. Но много ли таких законченных типов «новых женщин»? Большинство, огромное большинство женщин либо во власти пережитков буржуазной культуры, либо, в лучшем случае, на «переломе». Не только крестьянки, жены рабочих и мелких служащих, но и многие жены «партийных работников» живут основами буржуазной идеологии. Они даже еще не на «переломе».

Они и в жизнь, и в любовь вносят весь тот багаж, каким питались еще наши матери. Их уму и их сердцу белые томики Ахматовой ничего не скажут... Но работницы (широкие массы, не единицы), учащая молодежь, женщина, трудящаяся на всех поприщах, — на «переломе».

И только тонкий слой пролетарского авангарда, тесно связанный с коммунистическим мировоззрением, имеет в своих рядах новый тип женщин-товарищей, личностей, деятелей. Но кто решится утверждать, что и в них бесследно исчезли следы духовно-душевного порабощения женщины пережитками буржуазной культуры?

Не подлежит сомнению, что чувство связи своей с коллективом, радость участия в борьбе за идеалы своего класса, лихорадка строительного творчества, гордость удачного трудового процесса, вера в свои собственные силы — все эти пережива-

ния и чувства в гораздо большей степени свойственны рядовому пролетарию, чем женщине трудового класса. Всем этим чувствам и стремлениям женщина еще только учится, вступая в активную жизнь своего класса. Веками, тысячелетиями воспитывалась женщина в сознании, что она лишь «тень мужчины», его придаток, его отражение. Мудрено ли, что и сейчас, после того, как трубный глас революции призвал и женщину на боевой пост, она все еще не верит в себя, в свою «самоценность» для коллектива, она все ищет опору в мужчине и утверждения своего «я» через его любовь к себе, через признание себя своим избранником...

И все-таки революция не прошла для духовного облика женщины бесследно. Женщина в годы великой революции концами пальцев своих ощутила возможность нового «бытия», где она, женщина, будет признана равноправной и самостоятельной единицей в социальном коллективе. Революция вознесла женщину на небывалую высоту, она поставила ее рядом с ее трудящимся товарищем и признала целесообразность такого равноправия. Сдвиг небывалый. Все основы тысячелетнего существования женщины потрясены. В ее душе идет трудная работа осознания своего «я», своего места в коллективе и своих взаимоотношений с недавним ее владыкой мужчиной. Чтобы поспеть за жизнью, чтобы не быть затертой и затоптанной в борьбе за существование, женщине приходится спешно сбрасывать обветшалые ценности буржуазной идеологии. И в первую очередь переоценить свои отношения к другому полу. Либо подчиниться предписаниям буржуазной идеологии и остаться «при мужчине», то есть стать вне активной жизни коллектива, либо перешагнуть Рубикон и вступить на почву пролетарской идеологии, вносящей новое слово в отношение между полами. Третьего пути нет.

Сознание своей нужности не семье, не мужу, не детям, а коллективу, сознание, которое укрепило в женщине пять лет великой революции, делает женщину в эту эпоху перелома неожиданно «несговорчивой», требовательной по отношению к мужчине. Она уже не довольствуется тем, чем довольствовалась женщина, пропитанная буржуазной идеологией, — «отражать» душу и ум любимого, быть его зеркалом, его тенью, его дополнением. Она требует, чтобы и он, любимый избранник, умел бы отразить и ее внутреннюю, духовно-душевную жизнь. Любить и быть любимой мало. Она инстинктивно-стихийно добивается, чтобы и в любви установилось то же товарищество, то же равенство и то же взаимное признание, какое лежит в

основе взаимоотношений всех членов коллектива, проникнутого пролетарской идеологией. Великая революция совершается в душе широкой массы женщин, втянутых в круговорот трудового процесса на коллектив.

Того же нельзя пока сказать про широкую массу мужчин трудового класса. Ломка устоев — жизни во взаимоотношениях полов в первую очередь коснулась женщины. Мужчину оно затронуло пока лишь внешне, лишь настолько муж или «товарищ по жизни» ощущает на себе неудобства вовлечения женщины в жизнь трудового коллектива: остывший обед из-за службы жены, непришитая пуговица, необходимость «пасти детей», пока жена на собрании делегаток... Все это внешние факторы, досадные, непривычные, но которые еще не создают переворота в психологии, в понятиях среднего мужчины. Мужчина еще не научился тому, что ему придется иметь дело с женщиной иного склада, иных душевно-духовных запросов, что прошло то время, когда женщина не только служила своему владыке, но и внутренне к нему приспособлялась.

Мужчина все еще думает, что женщина либо «приятная встреча» для утоления плоти, либо его верная законная тень — жена.

Он не представляет себе, что настанет час, когда и ему придется посчитаться с запросами своей подруги и товарища, когда ему придется душевно к ней приспособиться, если он не захочет потерять ее любовь, ее привязанность, ее дружбу. Мужчина все еще вносит в любовное общение полов весь тот багаж обветшалых переживаний, какой создала буржуазная культура. А женщина уже черпает свои запросы и чувства из области новой идеологии. Конфликт неизбежен.

Этот конфликт и составляет содержание трех белых томиков Ахматовой. Конфликт, с которым в той или другой мере успели уже столкнуться и вы сами и ваши товарки, конфликт, который тяжело гнетет сейчас каждую женщину трудового класса, пытающуюся переступить Рубикон буржуазной культуры.

Вот почему, мой юный друг, и вам близки стихи Ахматовой, хотя она и «поет только про одну любовь». Каждая страничка Ахматовой — это целая книга женской души. Одна строка ее стихов, четкая, выпукло-точная, дает больше, чем многотомные психологические романы многих современных писателей.

Две основных темы, два мотива повторно звучат в ее стихах: конфликт в любви из-за непризнания в женщине со стороны мужчины ее человеческого «я». Конфликт в душе самой женщины из-за неумения совместить любовь и участие в творчестве жизни.

Помните стихотворение Ахматовой «Вечер». Она, любящая женщина, проводит первый вечер одна с любимым. «Любимый» удостоил ее своим вниманием, «любимый» с ней...

Поэт, не знающий сложной работы, которая совершается в душе женщины нового склада, написал бы это первое свидание в радужных красках. «Ликующие глаза женщины», «задыхающиеся от счастья уста»... Но может ли быть «ликующая радость» тогда, когда женщина чувствует, что ее настоящее человеческое «я» не воспринято любимым? Когда любимый и любящий видит в ней не то, что есть в ней своего индивидуального, отличного, а потому социально-ценного, а лишь то, что в ней «повторно-видовое», общеженское? Проклятие пережитков буржуазной культуры отравляет любовное общение. Редкий мужчина, даже стоящий в передовых рядах борющегося класса, научился уже чутким ухом души слышать духовный голос своей любимой подруги. Для большинства мужчин женщина все еще только «Ева, сотворенная из ребра Адама»...

А женщина ждет, чтобы избранник ее сердца увидел, признал ее целиком, воспринял как личность и человека. Конфликт неизбежен. В «Вечере» Ахматовой он передан выпукло и ярко.

В саду играет музыка. Первое свидание, но для нее музыка звучит полная «невыразимого горя». Он — избранник — не слышит работы ее души, он не угадывает ее запросов, он не видит в ней ее настоящее самоценное «я»... Для него она лишь «видовое» — женщина.

Так глядят кошек или птиц,
Так на наездниц смотрят стройных...

И в голосе скрипок, поющих в саду, ей слышится робкая ирония над желанным часом первого свидания:

Благослови же небеса,
Ты первый раз одна с любимым...

Но еще острее боль, когда любящий и любимый, ослепленный «мужским самодовлением», не умеет и не хочет видеть в женщине равноценную, творческую силу, вносящую наравне с ним ценности духовные или материальные в сокровищницу жизни. В стихотворении «В последний раз мы встретились тогда» Ахматова вскрывает весь наивный эгоизм любящего мужчины, наносящего легко и небрежно глубочайшие раны своей подруге и даже не замечающего этого.

Оба — поэты, оба — творцы. Для обоих творчество — основа жизни*. Но признавая право на творчество для себя, он, любимый, в ней любит и признает все остальное, только не суть ее души.

Он говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине — нелепость...

И в этот миг давно наболевшее несозвучие, мучившее, туманившее радость любви, вдруг во всем грозном объеме делается ясным женщине. Если он не видит, не признает в ней «главного», того, что она поэт-творец, что же он в ней любит? «Видовое» — общеженское?

Острота боли повышает восприимчивость внешних впечатлений. С его ранящими словами навеки связано для нее воспоминание «О высоком царском дворце и Петропавловской крепости»...

Слепой, не слышащий работы ее души, он отдает ей «последнюю из всех безумных песен». Но для нее жребий брошен. Одна из многих встреч превращается для нее «в последнюю».

Той же мукой несозвучия полно стихотворение «Сжала руки под темной вуалью». Объяснение закончено. Все, что наболело за дни любви несозвучной, все «горькие правды», все уколы, что наносил он ей небрежно, любя, но не слыша истинного голоса ее души, она теперь бросила ему в лицо. Выход один — поставить крест на любовь, лишь мучающую и терзающую, на нездоровое чувство, где нет внутреннего признания друг друга.

Оскорбленный, непонимающий, в ее словах он читает одно: разлюбила!

Вышел шатаясь,
Искривился мучительно рот...

По сердцу ее ударило, полоснула непоправимость сказанного. Остановить его, удержать! Он не понял ее, а она — она любя его, лишь требует признания себя.

Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.
Задыхаясь я крикнула: шутка
Все, что было! Уйдешь, я умру...

Глаза женщины полны неизбывного отчаяния. Но он, любимый, в этом зове слышит лишь одно: признание своей «мужс-

* Обозначение *поэт* взято как символ, те же переживания повторны у всех женщин, втянутых в какую-либо область работы на коллектив.

кой» власти. И в полном сознании своего превосходства над любящей женщиной он кидает небрежно трезвую, но больно ранящую фразу:

Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: не стой на ветру.

Завтра, он в этом уверен, когда с нее окончательно сойдет «блажь» нелепых женских запросов, он вернется к ней прежним «властелином».

К чему же были все ее дикие, злые слова, если вдогонку ему она бросает свое обычное: «уйдешь, — я умру?» А она глядит ему вслед и думает одно: не понял опять!

Мужчина, не переступивший границу буржуазной культуры в области общения полов, умеет видеть, воспринимать духовный облик любимой женщины лишь в краткий период влюбления. Но прошел чад влюбленности и мужчина снова полон лишь собой, снова теряет способность видеть женщину целиком, во весь ее человеческий рост.

Неужели ты обидишь
Так, как в прошлый раз,
Говоришь, что рук не видишь...
Рук моих и глаз.

спрашивает женщина в стихотворении Ахматовой «Здравствуй! Легкий шелест слышишь...».

Она пришла к нему, к любимому, уже заранее настороженная, внутренне сжатая. Она боится новых уколов непонимания, новой духовной боли от неприятия им ее «духовного я». Но он полон только собою. Она ему нужна как зеркало для отражения самого себя. А женщина стоит перед ним с протянутыми руками и ждет не поцелуев, а чуткого восприятия себя. И ждет напрасно. Он не видит «ни рук ее, ни глаз».

Любит, а не видит.

Боль несозвучности так остра, что у женщины рождается невольное желание искать исхода «под душным сводом моста».

Буржуазная культура веками воспитывала в мужчине навыки самодовления. Мужчины трудового класса в общей массе своей еще далеко не преодолели этих навыков. Но трудовая молодежь должна отдать себе отчет, что эти навыки вовсе не есть нечто «законное», что это лишь пережитки буржуазного миросозерцания и что с пролетарской идеологией они не совместимы.

Пролетарская идеология в области отношения между полами построена на признании равенства всех членов трудового

коллектива. Идеология пролетариата не может допустить подчинения одного другому неравенства даже в любовном общении.

Укрепление идеологии пролетариата повлечет за собой не утверждение самодовления личности, не рост эгоистических навыков, а, наоборот, рост *бережливо-чуткого отношения ко всем сочленам коллектива*, умение в каждом видеть товарища и человека.

Мужчина, в котором крепки еще навыки буржуазной идеологии, нередко, сам того не замечая, в угоду своим удобствам, внешним или внутренним, требует, чтобы женщина принесла в жертву самое ценное, что в ней есть, ее «белую птицу», свою личность.

Он может любить ее, как «Божие солнце» (по выражению Ахматовой), и все же он будет добиваться, чтобы женщина «приспособлялась» к нему, чтобы она отказалась от своего «я» и только жила им, отражая в себе его духовный облик.

Так воспитала мужчину буржуазная культура.

Но в массе трудящихся женщин революция уже разбудила «белую птицу».

«Белая птица» трепещет, бьется, она требует признания. Это беспокоит мужчину с навыками буржуазной культуры, это ему неудобно. Не каждая женщина переходной эпохи знает свою ценность как личность и работника.

Не каждая доросла до сознания, что у члена трудового общества первая обязанность — *служение коллективу*, а затем уже долг перед отдельными людьми, как бы вам дороги и близки эти люди ни были. Любящая, любимая женщина переходной эпохи перед властью любви не всегда умеет решительно и твердо отстаивать свои права человека.

Внешне, на первый взгляд мужчина часто побеждает. Но Ахматова (и это самое интересное и важное) вскрывает перед нами тайник женской души и ту работу, которую в женщине рожают зачатки нового миропонимания. Женщина, в чьей душе уже разбужена «белая птица», женщина с запросами, толкающими ее на работу для общества, или с сознанием долга перед коллективом уже не найдет покоя и счастья без своей «белой птицы». Женщина могла оставаться отражением мужчины, могла не дорожить «белой птицей», пока властный голос коллектива не призвал ее к себе на служение. Теперь этот голос прозвучал.

Женщина может все же иногда «закопать свою» «белую птицу», может обещать любимому, даже «не плакать о ней»,

но всегда и всюду ей будет слышаться ее манящей, знакомый, зовущий голос... Воспоминание о «белой птице», мысль о том, чем женщина могла бы быть, что она могла бы привнести в жизнь коллектива, если б не власть буржуазных навыков, будет убивать не только радость жизни, но и радость любви:

Каменным сделалось сердце мое*.

Любовное общение, построенное на подчинении одной личности другому, на урезывании своего «я» для другого, есть плод уродливых отношений между полами, созданных буржуазной культурой. Только *взаимное признание* гарантирует полноту счастья и позволяет любви расцвести полным цветом...

Та же мысль выражается другим стихотворением Ахматовой:

Ты всегда таинственный и новый,
Я тебе послушней с каждым днем...

В угоду избранника женщина терпит величайшее насилие над своим «я», мирится с запретом «петь и улыбаться» (другими словами, жить тем, что дорого ей), но покорность женщины не увеличивает «радость любви» и не несет счастья. Наоборот, обезличивание себя рождает в женщине несказанную тоску неудовлетворенности, сознание своей «никчемности», своей ненужности для мира.

Так земле и небесам чужая
Я живу и больше не пою...

Может ли быть большая скорбь, большая тоска, чем чувство своей одинокости, своей чуждости земле (коллективу) и небу, творчеству, работе?

Любовь вместо того, чтобы дать окрыленную радость, стать «праздником жизни», превращается в испытание «железом и огнем».

Любовь становится пленом — «гнетущим пленом».

Со временем, когда укрепится быт нового трудового общества и пролетарское мышление победит во всех областях, женщина будет твердо знать, что нет над нею иного господина и владыки, кроме хозяина, организатора жизни коллектива.

Со временем, когда новые коллективистические навыки и чувства подточат в мужской психологии самодовлеющее нача-

* «Был он ревнивым, тревожным, нежным» (Белая стая).

ло, воспитанное в нем буржуазной культурой, мужчине организованного трудового человечества и в голову не придет требовать, чтобы любимая им женщина «закопала свою белую птицу». Эту-то белую птицу он и будет любить и ценить в ней, а не общеженское, не видовое, повторное. Тогда исчезнут те томительные конфликты в любви, что четко отражает перо Ахматовой и что заставляет вас, коммунистку, плакать над белыми томиками не коммунистки Ахматовой.

Но я слышу ваш неудовлетворенный вопрос: Все это «будет»? Пусть так. Но как же сейчас? Теперь? Где выход?

Оставаясь на почве пролетарского миропонимания, перечитайте стихи Ахматовой, и вы даже в ее томиках найдете ответ и на этот больной для вас и многих вопрос.

Любовь в период борьбы двух культур и двух мировоззрений в большинстве случаев обращается для женщины в «душевный плен».

Но что такое любовь? Это известное состояние души, которое, как и всякое наше переживание, подвержено неизбывным, определенным, психологическим законам. Надо знать эти законы, и тогда выход из «любовного плена» подсказывается сам собою. И подсказывает его сама жизнь.

Женщина, пропитанная буржуазной культурой, могла вполне мириться с уничтожением своей личности во имя любви. Любовь к мужу, к детям — единственная область, где женщина могла проявить свое творчество, себя.

Женщина прошлой культуры могла подавить, задушить свое маленькое, никому, кроме семьи, не нужное «я» и все же быть счастливой. Женщина трудового класса, познавшая свою ценность хотя бы как крошечного винтика в механизме коллективного строительства жизни, *никогда не простит* своему избраннику задушение в ней «белой птицы».

Любовь, в которую влита капля яда неудовлетворенности и внутренней, душевной сжатости, неизбежно пойдет на убыль.

Мужчина, убивая «белую птицу» в женщине, стремится этим прочнее закрепить женщину за собою. А на самом деле именно этим поступком он облегчает *ей внутренний уход от него*. Любовь, идущая на убыль от неудовлетворенности, облегчает бегство из любовного плена.

Едва ли не лучшие стихи Ахматовой посвящены окрыленной радости освобождения женщины от оков любви, в которой нет взаимного признания, нет истинного духа товарищества.

Слаб голос мой, но воля не слабеет,
Мне легче стало без любви...

Душа еще изранена пережитой мукой несозвучности и борьбы за освобождение из плена, еще «слаб» ее голос, но уже воля к жизни, к творчеству, к работе вернулась. И эта воля крепка. Уже мир не замыкается для нее тесным кольцом любовных переживаний:

Ушла к другим бессонница-сиделка,
Я не томлюсь над серою золой
И бешеных часов кривая стрелка
Смертельной мне не кажется иглой...

Будто из душного подземелья вышла женщина на свежий, вольный воздух и видит, как мир велик, как прекрасны и разнообразны зовущие голоса жизни вне замкнутого круга «любвых радостей и пыток».

В стихотворении Ахматовой: «Я научилась просто, мудро жить» передана радость восприятия самого бытия за узким кругом любви. Уйдя из плена любовного, женщина может снова «слагать стихи», слушать жизнь, творить.

И если в дверь мою ты постучишься,
Мне кажется, я даже не услышу*.

Плен любви убил любовь. А нет любви, и нет больше власти человека над душой, над личностью другого.

Как сладко, что не надо
Мне больше ревновать... **

вырывается радостная строфа у Ахматовой, говорящая о том, что полный круг освобождения из плена любовного завершен.

Теперь никто не станет
Свечу до утра жечь... ***

С изжитой любовью отошла и вся горечь несозвучия, вся тоска по задушенной «белой птице». И вместо прежнего бунта против «властелина сердца» остается к нему лишь теплая жалость.

Ты плачешь? Я не стою
Одной слезы твоей... ****

* «Я научилась просто, мудро жить» (Четки).

** «Чугунная ограда»... (Anno Domini).

*** «Чугунная ограда» (Anno Domini).

**** См. то же.

Оковы плена любви порваны (быть может, не без боли), женщина, носящая в себе «белую птицу», радостно приветствует жизнь, в которой ей при условиях трудового общества заготовлено место для творческого проявления себя, для слияния своих усилий с созидательными усилиями коллектива.

Ты свободен — я свободна
Завтра лучше, чем вчера... *

Прощаясь с любимым, женщина сознает с гордым чувством удовлетворения:

А я иду владеть чудесным садом,
Где шелест трав и восклицанье муз...

Не пустота и одиночество, а работа в «чудесном саду» коллективного творчества жизни ждет женщину, хлебнувшую из чаши целительного напитка пролетарской идеологии.

Так при современных условиях переходного времени разрешается проблема любви, сотканная из неокрепшего сознания в женщине своей связи с коллективным и из самодовления мужчины, воспитанного в нем буржуазной культурой.

«Дракон» в мужчине, о котором говорится в стихотворении Ахматовой «Путник милый», должен быть побежден признанием ценности «белой птицы» в каждой женщине, члене трудового коллектива. Надо, чтобы наши товарищи, особенно молодое поколение трудовой молодежи, поняло и знало, что нельзя безнаказанно убивать «белую птицу» в той, которая уже соприкоснулась с жизнью коллектива. «Дракон», уничтожающий «белую птицу», рискует при этом остаться один.

«Значит, уход из плена любви, другими словами, разрыв с любимым — единственное решение современной «загадки любви?»» — спросите вы с тоскою. «Но как же быть, если сердце сильнее?»

Не без боли, не без криков отчаяния, не без глубоких ран сердца разрешается сейчас проблема любви в запутанных условиях перелома культуры. Но уход из плена любви — не единственный исход. Есть и другой, может быть, наиболее трудный для большинства женщин: *научить своего товарища по жизни не ранить «белую птицу», а убить в самом себе «дракона».*

Если любящему человеку будет ясно, что кроме круга любви у женщины есть и другой ценный для нее мир, что не к одному ему протянуты золотые нити ее сердца, но что еще больше ни-

* «Сердце бьется ровно, мерно» (Четки).

тей привязывают ее духовно к жизни коллектива — вашему товарищу по жизни, мой юный друг и соратница, придется преодолеть свое «самодовление» и перестроить, перевоспитать свою психологию на новый лад пролетарского восприятия мира и жизни. А раз так, ему придется признать «белую птицу» в своей подруге.

Вы пишете мне, мой юный друг, что Ахматова особенно близка и дорога вам тем, что она умеет оттенить тонкости чисто женских переживаний. Вы вспоминаете, как болезненно ранит женщину внешняя нежность и забота уже разлюбившего ее мужчины.

Настоящую нежность не спутаешь.
Она тиха...

Вы восхищаетесь стихами Ахматовой, где воспето не достижение счастья, а ликование души от предвкушения приближающейся радости. Да, вы правы, стихотворение Ахматовой:

Просыпаться на рассвете
Оттого, что радость душит...

можно считать в передаче этой эмоции классическим.

Не спорю с вами, что правдиво схвачена у Ахматовой и чисто женская черточка: любовь к красоте существует постольку, поскольку «красота» отразится восхищением в глазах избранника. Нет его, и женщине не нужна и своя красота.

И туго косы заплела,
Как будто завтра нужны будут косы...

Его, избранника сердца, завтра не будет, и «косы завтра не нужны»... Все это правдивые, тонко схваченные Ахматовой штришки женской психологии. Но, мой юный друг, разве зарисовыванием этих привходящих и несущественных черточек женской души близка вам Ахматова?

Конечно, нет.

Вы любите Ахматову за то, что она стоит за права «белой птицы» и что в ее томиках запечатлены трудные поиски пути, ведущего женщину в храм духовно нового человечества.

Заметьте, самые светлые, бодрые и радостные по настроению стихи Ахматовой всегда рисуют нам переживания женщины, когда она стоит одна, вне круга любовных радостей и пыток, когда она просто работает. Полноту радости жизни женщина Ахматовой ощущает не тогда, когда находится в объятиях любимого, а когда она несет суровый труд, вкладывая крупницу и сво-

ей энергии в сокровищницу коллективного творчества. Труд — вот что дает счастье, говорит нам Ахматова в своем стихотворении «Покинув рощи». С умилением вспоминает она:

О, зимние таинственные дали,
О, милый труд и легкая усталость...

Бодрую радость труда дополняет общение с духовно созвучным товарищем, не избранником сердца, а именно товарищем и другом, общение с которым бодрит и обогащает душу, а не беднит ее «приспособлением» к другому.

Музы наши близки
Беспечной и пленительной дружбой,
Как девушки, не знавшие любви...

Вам и вашим товаркам близка и родственна Ахматова именно тем, что воспетая ею женщина уже вышла из круга семейно-брачных интересов, содержание жизни ее не замыкается любовью, и в груди она носит уже «белую птицу», но еще не настолько закалена борьбой, чтоб уметь совмещать творчество, труд, слияние с жизнью коллектива и праздник жизни, — любовь. В любви женщина еще не умеет противиться «дракону», как не научился еще мужчина ценить в женщине «белую птицу». Но все чаще выпрямляется женщина, член трудового коллектива, становясь, как равная, возле своего товарища по жизни, все чаще бросает она своему недавнему владыке:

Тебе покорной? Ты сошел с ума!..

Не мужа ищет женщина с «белой птицей» в душе, а *товарища по жизни*. Чем глубже проникнет в широкие массы идеология рабочего класса, тем меньше места останется для тех конфликтов в любви, о которых поется в белых томиках Ахматовой. Место «любовного плена» займет окрыленная радость любви, построенная на обоюдном признании, на товарищеской бережливости друг к другу, на чутком общении созвучных душ.

Буржуазная культура воспитала и укрепила в мужчине «дракона», а в женщине убила «белую птицу». Культура трудового человечества создает условия, при которых вместе с самоуничтожением женщины исчезает древнейшая проблема: борьба полов.

«Дракон» исчезнет. Победит «белая птица», творчество каждого и каждой — в недрах коллектива.

